

A romantic couple, a man and a woman, are shown in profile, looking at each other and smiling. They are standing outdoors at sunset or dusk. In the background, a city skyline is visible across a body of water, with lights reflecting on the surface. The woman has long, wavy brown hair and is wearing a brown coat. The man has short dark hair and is wearing a dark t-shirt. The overall mood is romantic and intimate.

*Второй
шанс*

Артём Смирнов

Второй шанс

«Автор»

2026

Смирнов А.

Второй шанс / А. Смирнов — «Автор», 2026

Наташа думала, что самое страшное в жизни — это экзамены и первая любовь. Она ошибалась. Он появляется в её жизни внезапно — сильный, холодный, привыкший побеждать — и меняет всё. Защищает, когда страшно. Остаётся, когда тяжелее всего. Смотрит так, будто весь мир — это она. Но есть одно «но». Их семьи связаны прошлым, о котором молчат. И теперь одно условие звучит как приговор: они не должны быть вместе. «Второй шанс» — история о запретной любви и выборе между чувствами и безопасностью. Влюбиться легко. Выжить в этой любви — нет. Ведь второй шанс бывает только один раз.

© Смирнов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Таинственный незнакомец».	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Артём Смирнов

Второй шанс

Глава 1. «Таинственный незнакомец».

Будильник прозвенел в одиннадцать утра — с формулировкой «доброе утро» у него явно были серьёзные проблемы, потому что звучал он скорее как сигнал эвакуации. Сегодня было тридцать первое августа — последний летний день. Последний летний вдох перед длинной, скучной осенью.

Я лежала и смотрела в потолок, как будто он вот-вот выдаст мне план дальнейшей жизни. В комнате было тихо, только из приоткрытого окна доносились редкие звуки машин и голосов. Лето закончилось. И если честно — я не чувствовала ни капли сожаления. Скорее лёгкое, зло-радное облегчение, как будто пережила экзамен, который никто не собирался мне засчитывать.

Не сказала бы, что это было хорошее лето.

Больное расставание с парнем-абыюзером, ссора с лучшим другом, отдаление от некоторых близких людей... Скорее это были три месяца выживания, чем отдыха. Если бы существовала медаль «За мужество в борьбе с собственной личной жизнью», я бы уже получила её с занесением в личное дело.

Одиннадцатый класс. Выпускной класс. Последний рывок перед новым жизненным этапом — так, по крайней мере, говорили все взрослые вокруг, причём с таким видом, будто сообщают военную тайну.

«Вы должны определиться с будущей профессией».

«Это самый важный год».

«От него зависит вся ваша дальнейшая жизнь».

Да боже мой, нам по семнадцать. Семнадцать, блин. Мы ещё в тиктоке зависаем и путаем сахар с солью, но уже, оказывается, обязаны решить, кем будем всю жизнь. Прекрасная логика, ничего не скажешь. Чтобы не утонуть в этих мыслях окончательно, я схватила телефон и набрала Полину — единственного человека, способного вытащить меня из любой экзистенциальной ямы одной хорошо подобранной шуткой.

Первый гудок. Второй.

– Добрый день, это менеджер Полины Сергеевны, я вас внимательно слушаю, – ответили мне подчёркнуто деловым тоном.

– Ой, ну хватит, а? – засмеялась я. – Полина Щербакова сегодня в шесть вечера свободна?

– Сейчас проверю расписание... – она деловито протянула паузу, явно наслаждаясь моментом. – В шесть она свободна, но в семь у неё запланировано обсуждение мировых проблем с одной рыжей истеричкой.

– Это кто тут истеричка?!

– Ты.

– Дурында. Тогда в шесть у «Ауры».

– Принято, зафиксировано, занесено в протокол. И, Наташ... – голос вдруг стал мягче, будто она сняла с себя всю шутиливую броню разом. – Ты нормально?

Я на секунду замолчала, машинально накручивая на палец край одеяла.

– Нормально. Просто хочется отвлечься.

– Значит, отвлечём. Организуем тебе такое отвлечение, что мама не горюй. Всё, до вечера.

Полина Щербакова — моя лучшая подруга с самого детства.

Мы начали дружить ещё в детском саду, когда жизнь была максимально простой: игрушки, тихий час и обиды на пять минут максимум, после которых снова мирились из-за печенья. Нам до сих пор шутят, что мы чуть ли не делили один горшок — настолько всё делали вместе, от первых слов до первых двоек.

Мы всегда были не разлей вода. Вместе шли в первый класс, держась за руки, потому что было немного страшно. Вместе учились писать, считать, вместе переживали из-за первых оценок — и вместе же торжественно клялись друг другу отомстить учительнице математики, которая посмела поставить нам «четыре» вместо «пять».

Если одной было плохо — вторая сразу это чувствовала. Даже без слов. Иногда достаточно было просто посидеть рядом, и становилось легче. Мы делились всем: мыслями, переживаниями, секретами, даже глупыми страхами, о которых никому другому не расскажешь, разве что под страхом смерти.

Мы буквально росли вместе.

Менялись, выросли, но при этом всегда оставались той самой командой — «мы против всего мира». И это чувство никуда не делось, даже когда в последнее время в нашей привычной жизни появилось что-то новое: я перевелась в другой класс, с уклоном на физмат. Это было моё направление, мой осознанный выбор — и я правда была рада, что наконец иду туда, куда хочу сама. Но всё равно осталась тихая, немного глупая грусть.

Потому что раньше мы были постоянно вместе: уроки, перемены, разговоры ни о чём и обо всём сразу. Смех, какие-то свои шутки, взгляды, которые понятны только нам двоим, без перевода на человеческий язык.

Теперь стало чуть иначе. Мы всё ещё общаемся, конечно, ничего не исчезло. Просто теперь нужно ловить моменты. Искать время. Ждать перемены или писать после школы, как двум занятым бизнес-леди, у которых внезапно разные расписания.

Иногда от этого появляется тихая грусть. Как будто что-то изменилось, и ты это чувствуешь, даже если очень не хочешь признавать.

В этот момент дверь в комнату резко распахнулась без стука.

— Какого чёрта ты ещё... — отец осёкся на полуслове, будто вспомнив, что вообще-то у него есть манеры, просто он редко ими пользуется. — А, проснулась уже?

— Как видишь, — я приподнялась на локте, изображая максимально возможное безразличие.

— Завтрак на столе.

Ни «доброе утро», ни «как спала», ни даже дежурного «последний день лета всё-таки». Просто информация, будто он диспетчер, а я — груз, который нужно вовремя доставить и накормить по регламенту.

Он всегда разговаривал со мной так, будто я квартирантка — временная, неудобная, та, чьё присутствие терпят, но не принимают. Будто я была чужим ему человеком, случайно оказавшимся на его жилплощади. В его голосе не было ни тепла, ни привычной родительской мягкости — только ровная, отстранённая вежливость, иногда с примесью раздражения, как фоновый шум, который никогда не выключается. Он мог спросить, как я, но так, будто это формальность для галочки. Мог сделать замечание — короткое, предвзятое, без единой попытки объяснить или понять. Между нами не было даже сильных конфликтов — просто пустота, за которую не за что было зацепиться, сколько ни пытайся.

Сколько себя помню — мы почти не ладили. Но если быть до конца честной, это даже не про «не ладили». Это про то, что нас как будто вообще не было друг у друга. Два человека, живущих в одной квартире по какому-то давнему недоразумению.

А точнее — всё изменилось после мамы. После её смерти. Возможно... по крайней мере, я так думаю, потому что точно мне никто и никогда не объяснял. Странно, да? Прожить с человеком семнадцать лет и до сих пор не знать, что именно тогда произошло на самом деле.

Мне было почти пять. Возраст, когда воспоминания уже обрывочные, как старые фотографии без подписей — вроде бы узнаёшь лица, но не помнишь ни даты, ни повода.

Я помню её руки — они были тёплые, живые, с мягкими ладонями, которые всегда находили меня: в толпе, в темноте, в слезах. Она брала меня за руку так, будто это было не действие, а состояние — просто быть рядом, без каких-либо условий.

Я помню запах её духов. Не слишком резкий, не сладкий — что-то лёгкое, как утро после дождя. Этот запах оставался на одежде, на подушке, в воздухе комнаты даже тогда, когда она уже уходила. Иногда мне казалось, что если я закрою глаза и вдохну глубже, она вернётся — хотя бы на секунду, хотя бы для того, чтобы сказать что-то одно, самое главное.

Я помню её смех. Он не был громким, но заполнял собой всё пространство целиком. От него становилось легче — даже если я тогда не понимала, почему.

А потом её не стало. Рывками, урывками остались воспоминания из больницы. Слишком белые коридоры, слишком тихие голоса, будто ты находишься под водой. Взрослые говорили друг с другом вполголоса, отводя глаза, как будто громкость или прямой взгляд могли что-то сломать окончательно. Я до сих пор помню, как одна из медсестёр посмотрела на меня с такой откровенной жалостью, что мне, пятилетней, стало по-настоящему страшно — раньше, чем я вообще поняла, что случилось. Взрослые вокруг говорили обрывками: «так неожиданно», «врачи не могли предвидеть», «бедный ребёнок» — и ни одного внятного слова о том, что именно произошло. Я не понимала, что происходит, но чувствовала — что-то не так. Очень не так. И, как выяснилось позже, была права.

Странно, но даже сейчас, спустя столько лет, у меня нет ни одной чёткой цифры, ни одной внятной истории про тот день — только эти обрывки и стойкое, въевшееся в кости ощущение, что от меня что-то скрывают. Отец на любой мой вопрос об этом всегда отвечал одинаково коротко: «Не сейчас, Наталья». А «не сейчас» так ни разу и не наступило за двенадцать лет.

И я даже не попрощалась с ней. Не успела.

А потом — тишина. Не та, которая бывает ночью или в пустой квартире. Другая — глухая, болезненно скрипучая. Такая, в которой звуки как будто есть, но смысла в них уже нет.

После её смерти отец будто выключился. Щёлкнули какие-то невидимые предохранители, и свет внутри него погас — весь, сразу, без права на восстановление.

Он стал холодным и отстранённым. Как человек, который закрыл все окна внутри себя, чтобы туда больше ничего не проникало. Ни боль, ни воспоминания, ни тем более я. Жёстким — в словах, в интонациях, в паузах между словами, которые иногда пугали больше самих слов. Он не кричал — но его молчание давило сильнее любого крика, забивалось в уши и не отпускало часами.

Когда мама ушла, она будто забрала с собой все краски. Мир стал чёрно-белым, а отец — его самой блёклой, выцветшей частью.

И вместе с этим он потерял и меня. Или, может быть, сам меня отпустил — так проще, не нужно чувствовать. С тех пор мы жили рядом, но не вместе. Соседи по несчастью, если совсем уж честно.

Иногда, глубокой ночью, мне казалось, что я слышу, как он ходит по кабинету и что-то листает — методично, подолгу, будто ищет ответ на вопрос, который сам себе боится задать вслух. Я никогда не спрашивала, что именно. Слишком уж явно давалось понять, что туда лучше не соваться — ни ногой, ни мыслью.

Я дождалась, пока он закончит завтракать, и только потом вышла на кухню. Есть с ним рядом было практически физически невыносимо — воздух будто густел с каждой минутой, и хотелось либо распахнуть окно, либо вовсе перестать дышать. Вернувшись в комнату, я решила наконец разобрать рюкзак.

Из него выпало что-то тёмное. Яблочко. Точнее — уже его мумия, готовая к египетской выставке древностей.

С прошлого учебного года, забавно.

– Мда уж, символично, – пробормотала я и без особых сожалений выкинула его в окно, мысленно пожелав счастливого пути.

Пока протирала стол, телефон завибрировал. Данил Абрамов. Мой бывший парень. Мы были вместе почти год. Моя первая любовь. Моя первая, зато очень качественная ошибка — с гарантией и полным пакетом документов.

Он умел быть идеальным. Харизматичным, заботливым, тем самым принцем из глупых сериалов. А потом — ревнивым. Контролирующим, нервным, манипулирующим настолько виртуозно, что я ещё долго не могла понять, где заканчивается забота и начинается клетка.

Сообщение:

«Что делаешь вечером?»

Я закатила глаза так сильно, что чуть не увидела собственный мозг.

«Не твоё дело.»

Через две минуты — звонок. Ничего нового, тот же цирк, разве что билеты подорожали.

– С каких это пор не моё? – его голос был напряжённым, будто он уже готовился к скандалу заранее. – Пойдём прогуляемся. Поговорить надо.

– Я тебе всё сказала два месяца назад. Максимально доступным русским языком, между прочим.

– Наташ, хватит уже эту комедию ломать. Ты же прекрасно понимаешь, что вся эта ерунда — временная. Мы созданы друг для друга.

– Ага. Созданы, чтобы я потом полжизни ходила к психологу и оплачивала ему новую машину.

– Ты вообще берега попутала? – голос мгновенно стал жёстким, будто кто-то щёлкнул тумблером. – Я сделаю всё, чтобы ты вернулась. Запомни это хорошенько. Ты будешь моя. Поняла меня?

Меня передёрнуло, будто по коже провели наждачкой.

– Данил, послушай меня очень внимательно, специально помедленнее, чтобы дошло: никогда. – и я сбросила звонок.

Руки дрожали, но я всё равно нашла в себе силы вновь нажать «заблокировать». С глаз долой — из сердца вон, гласит народная мудрость. Хотя сердце почему-то всё равно неприятно сжалось, будто в груди кто-то повернул ржавый ключ. Насколько меня хватит на этот раз, прежде чем я его снова разблокирую? Я не знаю. Ненавижу, что не знаю.

Ближе к вечеру я начала собираться.

– Куда это мы? – в дверях снова материализовался отец, будто у него был встроенный радар на любую попытку выйти из дома без разрешения.

– С Полиной гулять.

– Разрешение спросить не хочешь?

– Мне семнадцать, – напомнила я как можно спокойнее, хотя внутри всё уже начинало закипать.

– Пока ты в моём доме — ты делаешь так, как я скажу. Это не подлежит обсуждению.

Я сжала зубы так, что заболели скулы.

– Можно я пойду погуляю? Пожалуйста, – выдавила я из себя это унижительное «пожалуйста», лишь бы не начинать очередной раунд.

– В девять дома.

– В девять?! Это издевательство какое-то! Мне уже не десять лет, если ты вдруг не заметил за эти годы!

– Значит, в восемь. Не перечь мне, Наталья. Ещё слово в таком тоне — и вообще никуда не пойдёшь, ни сегодня, ни завтра, ни на следующей неделе. Ты меня хорошо поняла?

Я молчала, глядя куда-то в точку у него за плечом, лишь бы не смотреть в глаза.

– Я не слышу ответа.

– Поняла, – процедила я сквозь зубы с такой интонацией, что она сама по себе звучала как маленькое восстание.

Иногда мне казалось, что он просто методично проверяет, сколько ещё во мне терпения — как учёный, ставящий эксперимент на подопытном кролике. Я, конечно, могла бы показать характер в полную силу, но потом действительно осталась бы без связи с внешним миром на неопределённый срок, а мне это сейчас было не по карману эмоционально.

На улице было приятно — не просто тепло, а именно мягко, будто воздух сам обнимал за плечи, извиняясь за завтрашнюю осень. Лёгкий ветер едва касался лица, не холодный, а освежающий, пах чем-то сладковатым — то ли последними цветами, то ли чужим мороженым из соседнего ларька.

Я надела чёрное худи — то самое, в котором всегда немного уютнее, чем есть на самом деле. Оно скрывало лишние мысли так же хорошо, как и фигуру, создавая иллюзию защиты, хотя бы временной. Джинсы — привычные, чуть потёртые на коленях, будто тоже прожили со мной больше, чем просто пару сезонов. Кроссовки мягко пружинили под шагами, делая походку лёгкой, почти невесомой — будто хоть немного уносили меня от всего, что осталось дома.

Но дело было не в одежде. Я взяла сумку — ту самую, мамину.

Она стояла в шкафу почти нетронутой — не потому что её берегли специально, а потому что к ней боялись прикасаться, будто вместе с кожей, строчками и замком в ней всё ещё жило что-то от неё самой.

Сумка была не новой, но и не старой. Кожа чуть потемнела на сгибах, ручки стали мягче, чем должны были быть изначально. На одном из углов — едва заметная царапина. Я знала, откуда она: мама тогда задела ею край стола и только усмехнулась, сказав, что «вещи без следов — как люди без историй». Одна из немногих её фраз, которые я помню дословно, будто кто-то выжег их у меня внутри.

Я провела пальцами по шву — аккуратному, почти идеальному. Она всегда выбирала такие вещи: не кричащие, не показные, но с характером. Сумка не бросалась в глаза, но стоило задержать на ней взгляд — и становилось понятно: это не случайная покупка, это выбор человека, который знал, чего хочет.

Я накинула её на плечо.

И вдруг стало тяжелее — не физически, а внутри. Как будто вместе с ней я взяла на себя что-то большее, чем просто аксессуар. В ней не было ничего особенного, ни писем, ни тайных записок, сколько бы я в детстве ни перерывала все карманы в поисках хоть какой-то зацепки. Но казалось, что внутри — память, её шаги, её привычка искать ключи на ощупь, не глядя, её лёгкое раздражение, когда замок заедал в самый неподходящий момент.

Я шла по улице, и сумка слегка покачивалась в такт шагам. И в этом движении было что-то знакомое. Почти до боли знакомое.

Я поймала себя на мысли, что держу её так же, как моя мама — чуть крепче, чем нужно, будто боялась потерять или отпустить хоть на секунду.

Люди проходили мимо, машины проезжали, кто-то смеялся, кто-то говорил по телефону. Мир жил своей обычной, равнодушной жизнью. А у меня в этот момент был свой — тихий, почти незаметный, полный вопросов, на которые никто никогда не отвечал.

И в центре этого мира была сумка. Единственная вещь, которая по-настоящему была её. И теперь — немного моей.

Полина уже ждала меня у торгового центра, картинно постукивая носком кроссовки по асфальту, будто отсчитывала мне штрафные секунды.

– Ну что, мисс «я не знаю, кем хочу быть»? – это было её фирменное приветствие месяца.

– Очень смешно. Может, тебе в стендап податься, а не в химбио?

– Уже подумываю. Буду шутить про экзистенциальный кризис одиннадцатиклассников, аудитория обеспечена.

Мы купили мороженое и сели на лавочку, привычно придвинувшись поближе друг к другу.

– Ну, рассказывай, – сказала она, отламывая кусочек вафельного рожка. – Абрамов опять объявился?

– Писал вот и звонил. Предложил встретиться, поговорить.

– И? Я очень надеюсь, что ты не согласилась, а то я лично приеду и устрою тебе допрос с пристрастием.

– Послала его и заблокировала. С формулировкой, достойной занесения в учебники.

– Горжусь, Кудряшова, – Полина приобняла меня одной рукой, чуть не выронив мороженое. – Это явный прогресс! Надеюсь, не будет как в прошлый раз, когда ты его разблокировала через три дня со словами «ну он же извинился».

– Иногда думаю, может, надо было мягче... или вообще согласиться, – уныло протянула я, глядя куда-то в асфальт.

– Наташ, – Полина посмотрела на меня уже без тени шутки, серьёзно, почти строго. – Он тебя ломал. По кусочкам, методично, с чувством и расстановкой. Ты не обязана его беречь или давать второй шанс просто потому, что он красиво просит. Тебе сейчас нужно время и что-нибудь, на что можно отвлечься. Займись чем-нибудь. Хобби какое-нибудь заведи, что ли. Хомяка купи в конце концов.

– Хомяка?

– А что, хомяк хотя бы не будет тебе названивать в полночь с монологами про судьбу.

Я невольно фыркнула, и на душе стало чуточку легче.

Полина была права, как всегда. Переживать расставание — тяжело в принципе, это как заново отстраивать себя, кирпичик за кирпичиком. Спускаться с небес на землю, проходить все положенные стадии: отрицание, гнев, торг... Всем это даётся тяжело, и я очень надеялась, что смогу пройти этот путь до конца, а не застряну где-то между гневом и жалостью к себе.

Когда мы подходили к торговому центру, из-за угла вышел Данил. Иронично — судьба всё-таки та ещё насмешница с очень своеобразным чувством юмора.

– Вот мы и встретились, – усмехнулся он с видом человека, который специально всё подстроил и теперь гордится собой.

– О, вспомни говно... – тихо процедила Полина сквозь зубы.

– Рот закрыла свой, – рявкнул Данил, резко шагнув ко мне и хватая за руку. – Пошли, разговор есть.

Схватил больно. Пальцы впились в запястье так, что боль была резкой, почти оглушающей.

– Отпусти! – я вырвала руку и, не раздумывая ни секунды, влепила ему пощёчину. Звонко и красиво — я и сама удивилась и точности удара, и звуку, с которым он получил.

Раздался громкий смех — его компания стояла чуть поодаль, явно наслаждаясь бесплатным зрелищем. Данил мгновенно побагровел от унижения.

– Ты вообще дура ненормальная? – прошипел он, потирая щёку.

– Нет, свободная и здоровая, – с ехидной насмешкой ответила за меня Полина. – В отличие от некоторых, страдающих острой формой собственничества.

Пока его друзья продолжали ржать уже над ним самим, мы быстро развернулись и ушли. Сердце бешено колотилось где-то в горле. Почему он не может просто исчезнуть из моей жизни насовсем, и всё? До боли знакомый контраст — от ненависти до почти любви один шаг, и ровно так же обратно. На этом контрасте и строились наши отношения, а точнее наше вполне токсичное взаимодействие, от которого я с таким трудом уходила. «Почти ушла», если совсем честно.

Мы пошли в парк. На нас дул приятный осенний ветерок, который отдавал летними отголосками и трепал наши волосы. Под ногами уже начинали шелестеть первые жёлтые листья. Осень ещё не ощущалась в полной мере, но уже было ясно — вот-вот она полностью вступит в свои права, и лето уйдёт без права на апелляцию.

– А с Ильёй вы так и не помирились? – спросила Полина, явно решив сменить тему на менее взрывоопасную.

– Нет.

Илья Орлов — мой лучший друг с начальных классов. Мы познакомились ещё тогда, когда всё в жизни казалось простым: уроки, перемены, первые шутки, которые понятны только нам двоим. Мы сразу как-то сошлись — начали сидеть за одной партой, списывать друг у друга домашку, делить один на двоих завтрак, когда кто-то из нас его забывал, что случалось подозрительно часто с обеих сторон.

С годами это стало чем-то большим, чем просто дружба. Мы буквально росли вместе, проходили через одни и те же этапы — первые серьёзные оценки, ссоры с родителями, первые симпатии, разочарования. Когда одному было плохо — второй всегда оказывался рядом, без лишних слов, просто потому что так правильно, и никак иначе.

Мы знали друг о друге почти всё. Такие вещи, которые обычно вообще никому не рассказывают. И в этом было ощущение какой-то надёжности — будто бы ни при каких обстоятельствах мы не разойдёмся, что бы ни случилось.

И всё было хорошо до одной глупой истории летом.

– А если завтра он сядет не с тобой? – осторожно спросила Полина.

– Тогда, – я пожала плечами, стараясь, чтобы голос звучал безразлично, – значит, видимо, не сядет. Переживу как-нибудь, не в первый раз переживаю чужое упрямство.

– А ты не пробовала поговорить с ним нормально, без гордости этой твоей рыжей?

– Пробовала. Он игнорировал меня так усердно, будто я вообще невидимая. Даже завидно, честно говоря, — я так не умею.

В этот момент кто-то резко вырвал у меня сумку.

– Эй!

Я даже не сразу поняла, что произошло. Просто почувствовала резкий рывок, пальцы соскользнули с ремня — и в следующую секунду он уже бежал.

– Стой!

– Придурок!

– Остановись!

Мы сорвались с места почти одновременно. Асфальт мелькал под ногами, дыхание сбивалось, сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь в ушах барабанным боем. Люди оборачивались, кто-то что-то кричал, но всё это сливалось в один сплошной, бессмысленный шум.

Он был маленьким и быстрым. Слишком быстрым. А мы — нет, что уж тут скрывать, спортом мы с Полиной занимались исключительно в теории.

Через пару секунд расстояние между нами стало только больше. Я пыталась ускориться, но ноги будто налились свинцом. Воздуха не хватало катастрофически.

Я остановилась, резко согнувшись, пытаюсь вдохнуть хоть немного кислорода. И вдруг накрыла паника. Там были телефон, ключи, документы и другие важные вещи. И главное — мамина сумка. Память о ней. Просто исчезла за углом вместе с каким-то мелким подонком в кепке.

Меня словно ударило изнутри. Всё сжалось в тугую ледяной комок где-то под рёбрами. Слезы подступили мгновенно, обжигая глаза.

– Наташ...

– Всё... – голос предательски сорвался в почти детский всхлип. – Всё, Полин. Она исчезла. Понимаешь, вообще исчезла.

Я уже почти не слышала, что происходит вокруг. В голове крутилась только одна мысль, снова и снова, по кругу: как я это переживу. Как я вообще посмею жить дальше, потеряв последнюю мамину вещь из-за какого-то мелкого воришки.

И почему я вообще не удержала её крепче...

И вдруг:

– Держи. Я его догнал.

Голос прозвучал неожиданно спокойно, почти буднично — будто он не только что совершил забег века, а просто зашёл вернуть забытый зонтик.

Я подняла глаза.

Передо мной стоял парень. Высокий, широкие плечи, взъерошенные тёмные волосы, чуть сбитое дыхание — видно, что он только что бежал, и бежал явно не для галочки. В руке — моя сумка, целая и невредимая, будто и не было никакого воришки.

Но я почему-то смотрела не на неё. Его глаза. Ярко-зелёные. Почти нереальные.

Как будто слишком насыщенный цвет для обычного человека. Как листва под солнцем в самый разгар лета. Как самый чистый изумруд из витрины ювелирного магазина, в который заглядываешь, зная, что никогда себе такой не позволишь.

Я просто застыла, забыв закрыть рот.

– Ну ты чего застряла, как в замедленной съёмке? — он слегка наклонил голову, разглядывая меня с явным любопытством, смешанным с весельем. — Забирай уже, не кусается она.

– А... да, точно, — я неловко потянулась к сумке, но пальцы почему-то не слушались.

– Тяжёлая какая, — он приподнял её на вытянутой руке, будто взвешивая. — Ты там что носишь, кирпичи для самообороны?

– Это... это мамина сумка, — зачем-то вырвалось у меня, хотя объяснять это первому встречному было совершенно не обязательно.

Он на секунду перестал улыбаться, будто уловил что-то в моём голосе, что не стоило улавливать посторонним.

– Тогда тем более хорошо, что я быстро бегаю, — сказал он уже мягче, без прежней насмешки. — Такое на дороге не валяется, ни в прямом, ни в переносном смысле.

Я снова застыла, будто время на секунду остановилось — ни шума улицы, ни людей вокруг, ни задыхающейся рядом Полины. Только этот странный, цепляющий взгляд напротив.

– Ау, ты чего зависла? — он щёлкнул пальцами прямо перед моим лицом, явно наслаждаясь произведённым эффектом. — Земля вызывает рыжую с сумкой. Приём.

Я вздрогнула, будто действительно вернулась откуда-то издалека. Спустилась с небес на землю в буквальном смысле слова.

– С-спасибо, — выдавила я, чувствуя, как предательски краснеют щёки. — Серьёзно, спасибо. Ты меня спас от, наверное, самого страшного дня в моей жизни.

– Ну, скажем так, спас твою сумку, а не жизнь, не будем преувеличивать масштаб подвига, — он усмехнулся уголком губ. — Хотя судя по твоему лицу минуту назад, разница для тебя не такая уж и большая.

– Просто эта сумка... для меня важна. Очень.

– Я понял, ты уже говорила. Мамина, — он произнёс это неожиданно бережно, без всякого подтрунивания. — Значит, повезло тебе, что я сегодня решил прогуляться именно этой дорогой, а не какой-нибудь другой.

– Так ты что, случайно тут оказался? — удивилась Полина, наконец отдышавшись достаточно, чтобы вставить слово.

– Случайно, — кивнул он. — Просто увидел, как какой-то шкет несётся с сумкой, а следом две девчонки орут «стой». Ну, включил свои лучшие качества и подумал: почему бы не побегать бесплатно, раз уж повод такой драматичный подвернулся.

– Ты его хоть догнал нормально, без рукоприкладства? – зачем-то спросила я, хотя мне было откровенно всё равно, что случилось с воришкой.

– Обошлось без жертв, не переживай. Просто напугал немного своим внушительным видом, он сам сумку и бросил, только пятки засверкали.

– Может, ты у нас скрытый супергерой?

– Может, для гордости, – он подмигнул. – Считай, что мы теперь оба немного герои этой истории. Ты — потому что не отдала сумку без боя, а я — потому что сумел удивить сегодня хоть кого-то, кроме себя самого.

– Самоуверенности тебе не занимать, – хмыкнула я, наконец находя в себе силы улыбнуться.

– А то. Это часть моего обаяния, – он выразительно кивнул на собственную запыхавшуюся физиономию. – Хотя не буду врать, лёгкие сейчас горят похлеще, чем моя самооценка.

Я невольно рассмеялась — впервые за весь этот безумный день, короткий, но искренний смех, от которого стало чуточку легче дышать.

– Ну вот, так-то лучше, – заметил он с явным удовлетворением. – А то я уже начал переживать, что случайно спас самую серьёзную девушку города.

– Я вообще-то бываю очень весёлая, если что.

– Верю на слово. Пока, правда, доказательств маловато, – он шутливо развёл руками.

– Подожди, а как тебя вообще зовут? – спросила я, вдруг осознав, что даже не знаю имени человека, которому только что доверила самую ценную вещь в своей жизни.

Он на секунду замялся, будто взвешивая, стоит ли отвечать, потом хитро прищурился.

– А смысл представляться, если мы всё равно больше никогда не увидимся? Статистически как-то не сходится.

– Ну хотя бы из вежливости.

– Ладно, уговорила, – он картинно вздохнул, будто делает мне огромное одолжение. – Но с одним условием: в следующий раз, когда мы обязательно встретимся, ты вспомнишь моё имя без подсказок. Проверим твою память.

– Уверен, что будет следующий раз?

– Абсолютно, – он кивнул с такой убеждённостью, что даже я на секунду почти поверила.

– У меня хорошее чутьё на такие вещи.

Но так и не назвался — просто развернулся, легко улыбнувшись напоследок, и быстрым шагом двинулся прочь.

– Эй, а имя-то! – крикнула я вслед, чувствуя себя немного глупо.

Предательски красивая улыбка, такая, с которой, как правило, начинаются самые серьёзные проблемы в жизни отдельно взятой девушки.

Через пару секунд он просто растворился в толпе, будто его и не было — ни имени, ни толкового объяснения, одни зелёные глаза, засевшие где-то на задворках сознания.

– Наташа... – Полина потрясла меня за плечо, заглядывая в лицо с явной тревогой. – Алло, приём! Что это вообще было?! Ты вообще в порядке? У тебя лицо, как будто тебе только что предложение сделали, а не сумку вернули.

– Я... не знаю, – тихо прошептала я, не отрывая взгляда от той точки в толпе, где он только что стоял.

– Так, стоп. Ты хоть имя спросила? Номер? Хоть что-нибудь спросила, кроме как хлопать глазами, будто сова средь бела дня?

– Не успела.

– Наташа! – Полина всплеснула руками с видом человека, у которого на глазах разрушили величайшую любовную историю столетия. – Ты серьёзно?! Он тебя спас, эффектно так, с погоней, а ты даже имя не спросила?!

– Он не сказал. Специально, кажется.

– Ну вот это поворот, – она хитро прищурилась, разглядывая моё лицо, явно делая какие-то далеко идущие выводы. – Ладно, идём, а то ты сейчас растаешь тут посреди улицы, а мне потом тебя со шпателя соскребать.

И это было единственное, о чём я могла думать всю дорогу домой. Странное, тёплое ощущение поселилось внутри, будто что-то важное только что началось — хотя я даже имени его не знала, а глупо цепляться за случайного прохожего, пусть даже с такими глазами, было, мягко говоря, не в моих правилах.

Дома я долго не могла успокоиться. Вроде бы всё уже закончилось — сумка на месте, все документы целы, нужно радоваться и выдохнуть спокойно. Но внутри всё равно что-то не отпускало, крутилось на периферии сознания, как непрожёванный кусок дня.

Я легла в кровать, на часах было около десяти вечера.

Последний день лета почти закончился.

Обычно в такие моменты думаешь о будущем: о школе, экзаменах, обо всех этих сложных вещах, которые ждут впереди и грозят пальцем из темноты. Или прокручиваешь старые переживания — про Данила, про ссору с Ильёй, про вечную ледяную вежливость отца.

Но в этот раз было иначе. Я думала только о зелёных глазах. И о том, как он сказал: «Ещё увидимся» — без имени, без номера, без единой зацепки, зато с такой уверенностью, будто уже точно знал что-то, чего не знала я. И почему-то внутри было странное, тихое чувство — что это не просто слова, брошенные на прощание первому встречному.

Что мы действительно ещё встретимся.

И, кажется, где-то на краю сознания, рядом с этим чувством, тихо шевельнулось ещё одно — совсем крошечное, почти неразличимое: будто где-то там же, в темноте непрожитого дня, притаился ещё один вопрос без ответа. Как и всё, что касалось моей мамы. Как и всё, что отец так старательно держал за закрытой дверью своего кабинета.

Кажется, этой осенью вопросов у меня будет куда больше, чем ответов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.